

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ  
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

# ЧЕЛОВЕК

образ и сущность

*Гуманитарные аспекты*

## УГРОЗА АПОКАЛИПСИСА И ИДЕЯ СВЕРХЧЕЛОВЕКА

2017

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ  
№ 3—4 (30—31)

Издается с 1990 года  
Выходит 4 раза в год

Москва

**Коллектив авторов**  
**Человек. Образ и сущность**  
**2017. Гуманитарные**  
**аспекты. № 3–4 (30–31):**  
**Угроза апокалипсиса**  
**и идея сверхчеловека**  
**Серия «Проблемы человека»**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=38612932](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38612932)*

*Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Угроза апокалипсиса и идея сверхчеловека. Ежегодник:*

**Аннотация**

Рассматриваются процессы влияния научно-аналитический информации на формирование духовной и мировоззренческой ориентации современного человека. Анализируются воздействие глобализации на интенсификацию межрелигиозных диалогов и экстремистских проявлений, противоречия культурной адаптации и языкового взаимодействия в условиях массовой миграции.

Рассчитан на широкий круг философов, лингвистов, преподавателей иностранных языков, культурологов.

# Содержание

|  |    |
|--|----|
| Вызовы времени   | 4  |
| Истина гетеротопии: между фантомом и<br>реальностью. Часть 21                                      | 4  |
| К вопросу определения понятия<br>«эсхатология» в христианском религиозно-<br>философском дискурсе3 | 30 |
| Конец ознакомительного фрагмента.  | 43 |

**Человек: Образ и  
сущность. Гуманитарные  
аспекты. Угроза  
апокалипсиса и идея  
сверхчеловека. Ежегодник  
Вызовы времени**

**Истина гетеротопии: между  
фантомом и реальностью. Часть 2<sup>1</sup>**

*Л.В. Скворцов*

УДК 008.2; 101.1

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 17-33-00025 «Гетеротопия: Цивилизационный контекст».

# **Институт научной информации по общественным наукам РАН**

**Москва, Россия, [skvortsovcgsir@mail.ru](mailto:skvortsovcgsir@mail.ru)**

Дается оценка разработанной М. Фуко концепции гетеротопии. Доказывается, что М. Фуко понимал гетеротопию не только как материализованное по отношению к месту «нормальной» жизни иное место (тюрьма, психиатрическая клиника, библиотека, кладбище, территория колоний, корабль и т.д.), но и как иное место нахождения истины социальной жизни. Методология определения этой истины сформулирована как археология знания, как путь истины массового сознания, отличной от религиозного, идеологического и научного ее понимания. Это реальность и приоритет дискурсивной объективности, включающей в себя элемент идеологического и научного знания. Показывается, что концепция М. Фуко стала предвосхищением механизмов управления массовым сознанием в глобальной политике XXI в.

*Ключевые слова:* Фуко; гетеротопия; истина; массовое сознание; «другое место»; глобальная политика.

Поступила: 10.03.2017

Принята к печати: 27.04.2017

**L.V. Skvortsov**

**Truth of heterotopia: Between  
phantom and reality. Part 2**

**Institute of scientific information for social  
sciences of Russian academy of sciences**

**Moscow, Russia, skvortsovcgsir@mail.ru**

The paper evaluates Michel Foucault's understanding of heterotopia. It proves that heterotopia is not only the reality of «other place» (prison, psychiatric clinic, library, cemetery, colony, ship etc.), but also the other place for seeking the truth of social life. Methodology of acquiring this truth is described as archeology of knowledge (L'archeologie du savoir), as the way towards the truth pursued by the mass conscience. This truth does not coincide with religions, ideological, or scientific understanding. It is reality and priority of discourse objectivity, which includes elements of ideological and scientific knowledge. It is demonstrated that M. Foucault's conception predicts the

emergence of certain forms and methods of discourse objectivity as a ruling force of mass consciousness in the global politics of the XXI<sup>st</sup> century.

*Keywords:* Foucault; heterotopia; truth; mass consciousness; «other place»; global politics.

Received: 10.03.2017

Accepted: 27.04.2017

## **Продолжение<sup>2</sup>**

### **3. Непрерывность и прерывность как концепты методологии гуманитарного знания**

Феномен гетеротопии, как его толкует М. Фуко, утверждается как явление, имеющее фундаментальное значение для легитимации принципиально нового методологического подхода к интерпретации исторического цивилизационного процесса. Имплицитно исторический цивилизационный процесс воспринимается как общечеловеческое восхождение к универсалиям доблести, определенным философской мыслью, к мудрости, здравомыслию, мужеству, справедливости, благочестию.

---

<sup>2</sup> Первая часть (часть 1) опубликована в предыдущем номере журнала (№ 1–2 (28–29) за 2017 г.).

Гетеротопия свидетельствует об отсутствии такого восхождения. Гетеротопия – это основа множественности страт, требующих для своего истолкования членения и хронологической спецификации. Таким образом, вместо непрерывной единой работы разума возникают *краткие очередности, восстающие против единого закона*. Принятие этой методологии делает легитимным понятие *прерывности*, которое должно теперь занять важнейшее место в исторических и гуманитарных дисциплинах. М. Фуко считал, что прерывность должна из препятствия для исследования превратиться в *практику* и восприниматься как *необходимый концепт*. Так должна родиться *тотальная история*, которая видит мир в *виде рассеяний*.

Гетеротопия размещает массу людей в фиксируемые формы *рассеяния*. Человек концептуально превращается в носителя качеств этих форм. Вместе с тем в системе отношений обнаруживаются формы, которые М. Фуко фиксировал применительно к безумию классической эпохи; для них характерно пересечение проявлений умственного заболевания и особенностей характера. С этим связана классификация отношений к Другому и Изгою, которая в современную эпоху переносится и на систему международных отношений.

Исторический опыт действительно подтверждает истину античной философии: *как трудно стать хорошим человеком*, подняться до вершин нравственной универсальности. Это относится и к системе международных отношений: как



трудно признать в системе человеческих отношений обязательность категорического императива. Однако отрицание его истины и есть проявление безумия в современную эпоху.

Из гетеротопии кладбища или корабля нельзя вывести факт возникновения цивилизации как целого. Методология рассеяния здесь не действует. Рождение цивилизации объясняет феномен *прабытия*, мимо которого проходит рассеяние. Но именно *прабытие* и является истоком универсальности цивилизационного движения, системы устойчивых отношений. Этим объясняются неудачи многочисленных попыток извлечь гуманитарное знание от «всякой антропологической зависимости», изгнать сами понятия «ментальности» или «духа» как «нечистую силу».

При всех различиях, при всей исключительности индивидуальных форм цивилизационного поведения нельзя не видеть *повторяемости типов* этого поведения. И в этой повторяемости наблюдается влияние внутренней ценностной иерархии, определяющей мотивацию как индивидуальных, так и социальных форм человеческого поведения. Неспособность восприятия нравственных универсалий – это проявление неспособности восприятия универсалий человеческих реалий – реалий жизни и смерти. Иными словами, процесс повторяемости является процессом формирования человеческого объекта знания, который объединяет исторически возникающие различия феноменов жизни.

Если константность этих свойств не подлежит «разрыву»,

то она формирует и определяет мотивы и качества поведения человека. Человек мотивирует свое поведение самыми различными способами, чтобы создать ту сеть, в которой лично он сохраняет себя или возвышает свой статус. Объяснение его поведения требует обращения к знаниям лингвистики, этнологии, экономики, литературы и даже теории мифа.

Вместе с тем, когда все человечество оказывается перед реальной угрозой *самодеструкции*, массы людей независимо от их специфических особенностей будут проявлять *идентичные тенденции поведения*. Это значит, что существуют некие привилегированные типы исторической объективности, которые диктуют идентичные формы поведения людей.

М. Фуко, исходя из своей концепции рассеяния в качестве истины, утверждает противоположное заключение. Так, применительно к психиатрическому дискурсу XIX в. он делает вывод, что этот дискурс характеризуется не существованием какого-либо привилегированного объекта, а тем, как этот дискурс *формирует свои объекты*, которые при этом остаются рассеянными... Любой объект исследуемого дискурса обретает там свое место и законы своего появления [Фуко, 1996, с. 44].

Если, например, психиатрия XIX в. может что-то сказать о связях между семьей и преступностью, то она не воспроизводит взаимодействия действительной зависимости, а представляет все анализируемое пространство возможных опи-

саний. Такой подход можно было считать продуктивным по отношению к *гипотетической виртуальной реальности*. Но вместе с тем происходит размывание границ между объективной истиной и многообразием фантазий медицинского текста. Очевидно, что тем самым легализуется создание рассеянных «гетеротопий» медицинских текстов, как и гуманитарных текстов вообще. «Нами, – утверждал М. Фуко, – введено единство совершенно иного типа, способное свидетельствовать о совокупности объектов, для которых понятие психопатологии – не более чем просто мыслительная рубрика» [там же, с. 47].

Если иметь в виду возможность различных интерпретаций исторических документов в силу их смысловой неоднозначности, то тогда и исторические факты можно рассматривать с позиций различных мыслительных рубрик. Такой подход открывает, по сути дела, неограниченные возможности для «перелицовки» истории и исторических фактов и для всей системы глобальной информационной войны. Например, если мыслительная рубрика будет ограничиваться победоносными действиями западных союзников в годы Второй мировой войны, то тогда форсирование Ла Манша и открытие второго фронта в 1944 г., в канун разгрома армий вермахта советскими вооруженными силами, можно представить как то «решающее сражение», которое стало решающей точкой в разгроме германского нацизма.

М. Фуко считает, что необходимо заменить сокровенные

сокровища вещей дискурсом, регулярной формацией объектов. Так создается современная история дискурсивных объектов, которые не погружаются в глубины общей первоначальной почвы, а приводят отдельные рассеянные регулярности в определенную связь, соответствующую не менее определенным интересам и целям.

М. Фуко считает, что установление такого рода объектов дискурса не требует исследования их смысла, поскольку сама эпоха характеризовала этот смысл как «тихое помешательство». Подобного рода анализ М. Фуко считал излишним. Дискурс – это тонкая контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность, смешивающая лексику и опыт [Фуко, 1996, с. 47–48]. Дискурс создает свои объекты, не погружаясь в глубины общей первоначальной почвы. Он создает новую реальность, которая, при наличии общего согласия, может претендовать на статус признанной истины, в отношении которой истина, опирающаяся на реальность общей первоначальной почвы, может подвергаться скептическому отрицанию, как индивидуальная, а значит, субъективная точка зрения.

#### **4. Условия существования «истины» иного мира в системе коммуникаций**

Рождение диктатуры коллективного мнения, подавляющего своим «авторитетом» объективную истину, – явление,

характерное для современной эпохи. Содержание и утверждение конечных заключений этой практики определяется ответом на вопрос: «Кто говорит?» В зависимости от того, кто говорит, дискурс обретает *презумпцию истинности*. Статус индивидов, обретающих право отдавать предпочтение именно данному дискурсу, также определяет институционализированную область, в которой на законном основании формируются специфические объекты и инструменты верификации, поле документации, совокупности отчетов и опубликованных результатов.

Так, говорит М. Фуко, разжимаются жесткие сочленения слов и вещей и освобождаются совокупности правил, обусловливающих дискурсивную практику [Фуко, 1996, с. 48]. К этому следует добавить позиции, которые субъект может занимать в информационной сетке, в теоретических штудиях и устной системе коммуникаций. Хотя М. Фуко формирует эти выводы на основе медицинской практики, очевидно, что в современную эпоху они обретают универсальный смысл воздействия на формирование в нужном направлении глобального общественного мнения.

Для получения необходимого результата не нужно следовать логике дедуктивных схем, т.е. логике последовательности рассуждения, а нужно правильно определять возможные распределения рядов высказываний, наглядных рассуждений, порядка описаний, способов перераспределения временных событий, определяющих взаимозависимость гипо-

тезы и верификации. Так формируется «поле присутствия», то, что могло попасть в поле наблюдения, и то, что тысячекратно передавалось из уст в уста, что можно определять как суждения по аналогии, как общие принципы и модели, как область памяти.

На этом основании определяются *возможности вторжения*, которые, не затрагивая истины, могли бы переводить количественные высказывания в качественные, т.е. определяющие формы иерархии и подчинения, способы высказываний и видов критики, комментирования и интерпретации различных высказываний и точек зрения.

Вместе с тем это позволяет установить, каким образом различные высказывания могут возникать и распадаться, заново собираться, расширяться или ограничиваться, приобретать новый смысл. Такой дискурс может существовать на *доконцептуальном уровне*, который М. Фуко связывает с действием *теоретических схем*, таких как атрибуции, артикуляции, обозначения и деривации. Эти схемы позволяют определять свою область *правомерности*: в соответствии с *какими критериями*, требованиями формата мы можем диспутировать об истине или ложности, исключать некоторые высказывания как не свойственные данному дискурсу. Дискурсивный уровень выводов не отсылает ни к горизонту идеальной логики, ни к эмпирическому генезису абстракций. Дискурс здесь не является выражением внешнего, т.е. адекватным отображением реальности. *Он является местом*

*рождения концептов*. Поле дискурса позволяет выявиться возможности гетерогенной множественности концептов, что приводит к расширению тех тем, верований и репрезентаций, к которым мы сами добровольно обращаемся, когда формируем историю идей [Фуко, 1996, с. 63].

Формирование концептов, не связанных с почвой исторической реальности, создает идеальное основание игнорирования традиционных формационных и экономико-технологических классификаций этапов исторического движения цивилизаций. Теории первобытно-общинного строя, феодального, капиталистического общества, как и аграрного, индустриального, постиндустриального, информационного общества, как представляется, страдают одним общим недостатком: они определяют конечную цель истории. Идею конечной цели несет в себе и неолиберальная доктрина, пытающаяся догматизировать идею рыночной экономики как конечной стадии истории. Деструктивные конвульсии государств, в которых практически реализуются «конечные цели», расчищают ментальную почву для восприятия теоретических схем на доконцептуальном уровне, имеющих характер и свойства гетеротопий.

Отход от почвы можно успешно реализовать, если в теориях научных дисциплин, таких как лингвистика, экономика, психиатрия, естественная история, обнаруживаются альтернативы, даже не принадлежащие одному временному отрезку, представляющие себя в формуле «либо... либо». Кон-

цептуальное рассеивание заставляет формировать дискурсивные подгруппы. Применительно к истории научных дисциплин выявление взаимоисключающих концептуальных заключений вполне естественно, так как зрелые научные заключения будут соотноситься с выводами первоначальных этапов становления науки. Но если формула «или... или» полагается равноценной применительно к *любой* стадии развития науки, то тогда будет происходить легитимация донанучных фантазий.

И М. Фуко, конечно, ошибался, когда утверждал, что описанные таким образом стратегии не укореняются применительно к науке за пределами дискурса в глубине предпочтений и не являются ни выражениями мировоззрения, ни проявлениями лицемерного «интереса», скрывающегося под благообразным покровом теории.

Субъективность предпочтений и проявление лицемерного интереса особенно наглядно проявились в легализации дискурсивных объектов в глобальных информационных противостояниях XXI в. Например, очевидный факт нападения Грузии на Южную Осетию и российских миротворцев в процессе дискурса в средствах массовой информации стран Запада превратился в противоположную информационную объективность как совсем другая «истина». Аналогичная методология применялась и применяется в освещении поведения военных подразделений киевской хунты, ее агрессии против Донецкой и Луганской республик. Концеп-



туальный отход от почвы, т.е. от фактического положения дел наблюдается и при попытках объяснения катастрофы малазийского Боинга, сбитого над территорией Украины. Аналогичная технология информационного воздействия применялась и при дискредитации Олимпийской сборной России в ходе подготовки к Олимпийским играм в Бразилии в 2016 г.

Методология формирования дискурсивных объектов оказалась пригодной для создания системы глобального управления общественным мнением современного мира. Глобальное управление общественным мнением приобрело приоритетный смысл, поскольку оформилась потребность в том, чтобы направить процессы интернационализации цивилизационной жизни в узкое русло утверждения в мире цивилизационных *стандартов*, отвечающих интересам «исключительной» державы и многонациональных корпораций. Утверждение этих стандартов требовало информационной дискредитации их возможных идейных противников и культивирования авторитета нужных дискурсивных объектов.

Это форма информационной диктатуры, опирающейся на владение средствами массовой информации, теоретические разработки и безусловный авторитет согласованной коллективной позиции. Эти стратегии как раз и служили целям сокрытия лицемерного интереса путем профессионально разработанного механизма формирования нужных дискурсивных объектов. Нужные дискурсивные объекты становились основанием для различения «правильного» и «неправильно-

го», независимо от сущности объективной истины.

Как показал исторический опыт, легализация принципа гетеротопии применительно к науке нежелательна, поскольку влечет за собой подрыв ее авторитета изнутри. Пророки «правильности» принесли миру вирус духовного заболевания, приведшего в XX в. к цивилизационной катастрофе. Этот вирус, однако, не исчез. Он породил формирование новых дискурсивных объектов, сущность которых сводится к оправданию новых вариантов глобального гегемонизма [Скворцов, 2016, с. 364–372].

Как оказалось, задуманную глобальную геополитическую игру цивилизационный гегемон не может выиграть, не используя информационную методологию формирования нужных для реализации его планов дискурсивных объектов. Но он может ее проиграть, если ему будет противопоставлена информационная контригра, основанная на *почве*, т.е. объективных фактах цивилизационной жизни и глобальной политики.

## 5. Проект для XXI в.?

Выигрыш или проигрыш в современной глобальной информационной войне определяются реальным смыслом политики, нацеленной на формирование современного цивилизационного порядка. Народы современного мира объективно оказались перед *альтернативами политики*. Эти аль-

тернативы возникают как реакция на политику глобального гегемонизма.

Глобальный гегемонизм – это осознанная необходимость, нацеленность на то, чтобы естественные процессы интернационализации современной цивилизационной жизни, в которой свободно участвуют все народы, направить в русло их подчинения так называемому «новому порядку». Глобальный субъект формирует мир дискурсивных объектов для утверждения собственного величия как истины власти, которая может быть и должна быть признана всеми.

Дискурсивные объекты – это новая «логика» и эмпирическое свидетельство этой «истины». Они представляют собой определенную реальность, которая наличествует как знание, истинность которого утверждается коллективным мнением большинства. Если большинство громогласно утверждает, что король облачается в великолепные одежды, скроенные и сшитые по самой изысканной моде, то истину оказывается способен провозгласить вслух только мальчик, сказавший, что король на самом деле голый. Но кто поверит мальчику?

Концепция археологии знания – это идейная предпосылка теоретической легитимации *информационной* дискурсивной объективности как мира гетеротопии, иной действительности.

Было бы крайне легкомысленным упрощать эпистемологическое толкование феномена гетеротопии как фантомной реальности. М. Фуко решительно отличал гетеротопии от

утопии. Утопические представления об *ином*, идеальном, райском, гармонично организованном социальном мире воспринимались как мечтания, как запредельные цели, сверхъестественные миры, сновидения. Эти представления не претендовали на статус реального знания, имеющего отношение к научным представлениям.

М. Фуко анализировал историю представлений психиатрии, естественной истории, экономических учений: это была та эмпирическая почва, на которой формировалось учение об археологии знания. Дискурсивный объект представлялся как *действительная реальность* в самых различных, но не совсем обычных для нормальной жизни формах.

Сущность гетеротопии раскрывает дискурсивная объективность, коллективно признаваемая как действительность, воспринимаемая массовым сознанием и поведением в качестве истины. И как *таковая* она становится очевидной реальностью именно в формах поведения, а значит, и в *определенных результатах, продуктах этого поведения*. А это значит, что дискурсивные объективности в своих идеальных формах начинают соответствовать создаваемой реальности жизни. Так раскрывается смысл гетеротопии, находящейся между первоначальным фантомом и последующей за ним реальностью.

Становится понятным, почему М. Фуко сближал свою концепцию археологии знания с историей идей и в то же время видел их принципиальные отличия. Он давал себе ответ

на вопрос: как и почему дискурсивные объекты в конце концов оказываются тем же явлением, что и фигуры, определяемые психиатрией, политической экономией или естественной историей, из которых он эмпирически исходил?

Нужно было знать, работает ли это устройство и что именно оно способно производить. Это – история вечных сюжетов, которые образуют спонтанную стихийную философию для тех, кто никогда не философствует. Это скорее анализ точки зрения, нежели анализ собственно знания, менталитета. Она следует генезису, который дает рождение искусственным системам и произведениям и может продемонстрировать, как научное знание при этом рассеивается, уступая место популярным концептам, устанавливая их отношения с обычаями и нормами социального поведения, потребностями и безмолвными практиками [Фуко, 1996, с. 136].

Археология знания, как ее трактовал М. Фуко, стремится определить не мысли и образы, которые скрыты в дискурсах, но сами дискурсы в качестве практик, подчиняющихся определенным правилам. Она определяет типы и правила дискурсивных практик. При этом археология пренебрегает темпоральными последовательностями: она исследует общие правила, одинаково верные и применимые во всех точках времени [там же, с. 164].

Дискурс – это путь, ведущий от одного противоречия к другому. Он предназначен для описания различных пространств разногласия, бесконечной игры противоречий, до-

стигающих кульминации в коренном конфликте. М. Фуко находит эти черты дискурса в истории науки. Рассматривая конфликт между креационизмом и эволюционизмом в естественной истории XVIII в., между утверждением об органическом происхождении полезных ископаемых и представлением об их неорганической природе, М. Фуко выявляет исходные и финальные точки фундаментальных противоречий, которые составляют *terminus a quo* и *terminus ad quem*. В этом он видит характерные позиции субъектов с их концептами и выборами стратегий. Здесь существенны именно внутренне присущие оппозиции.

Концепты и стратегии рассматриваются в контексте «группового поля», т.е. событий, действий, политических решений, экономических процессов, демографических колебаний, социальных требований.

Горизонт археологии – это не сама по себе наука, а *скрецивание* так называемых «интерпозитивностей», установление археологических корреляций, выявление того, как дискурсивные формации связаны с *недискурсивными системами*. Так, причинный анализ в этом контексте заключается в том, чтобы выяснить, в какой степени политические изменения, экономические процессы могли определять сознание научных деятелей: их кругозор, направленность интересов, систему ценностей, взгляд на вещи [Фуко, 1996, с. 161]. «Совершенно справедливо, – говорит М. Фуко, – я никогда не представлял археологию ни как науку, ни как основание для

науки будущего» [там же, с. 201].

Связь формаций дискурса с недискурсивными системами открывает новые поля определения норм жизни в силу выхода на историческую арену огромных народных масс. В эпоху Французской революции и правления Наполеона это породило новые проблемы административного руководства. Такие явления оказывают влияние на характер дискурса, который утрачивает свойство чистой абстракции. Так возникают определенные типы дискурсов, имеющих собственный характер историзма.

Можно определенно утверждать, что концепция археологии знания не только стала отражением своеобразия формирования массового сознания и управления его процессами в XX в., но и предвосхитила бездуховные формы глобального управления массовым сознанием в XXI в. Она объективно стала своеобразным *замещением* религиозных и идеологических форм определения исходных принципов миропонимания, массового поведения и получения конечных результатов практики жизни. Если религиозное массовое сознание получило понимание истины пути от Бога, то идеологически ориентированное массовое сознание опиралось на знание конечных целей истории.

Археология знания формирует массовое сознание путем дискурсивного *построения* правильности сознания по определенным правилам и в соответствии с ситуацией. Ситуационная истина строится в соответствии с определенным фор-

матом; она санкционируется определенными авторитетными группами лиц, так что за каждым утверждением дискурсной истины стоит недискурсный авторитетный контроль, в рамках которого сосредоточен основной массив средств информации. Это – механизм «мягкой власти», обладающий возможностями создания *видимости истины*, а значит, и формирования нужного общественного мнения.

Механизмы информационного формирования видимости истины дискурсивных объектов особенно наглядно проявились в ходе президентской кампании 2016 г. в Соединенных Штатах Америки. В ходе этой кампании со всей очевидностью обнаружилась реальность присутствия универсального Логоса. Замыслы, темы, смыслы завоевания глобального величия оказались в своей реализации зависимы от достижения глобальной безопасности. Это открытие раскололо американское общество.

Археология знания не имела реальных ответов на современные глобальные проблемы. Отстраняясь от закона становления разума в историческом движении, отказываясь от линейной модели и от модели потока сознания, археология знания предлагает иную модель историчности: это практика, обладающая собственными формами сцепления и последовательности смыслов. Она охотно говорит о разрывах и внезапных перераспределениях. И это можно понять, если действительная история – это лишь материал, который может использоваться и реконструироваться в связи с потребностями



ми формирования дискурсивных объектов. Это объясняет и наличие разрывов и новых форм последовательностей во временном движении дискурсивных объектов и различных их трансформаций.

Так что такое дискурсивные формации, относятся ли они к сфере науки? Ответ на этот вопрос проясняется путем ссылки на клиническую медицину, которая не отвечает формальным требованиям науки, не достигает уровня строгости таких наук, как физика и химия, но не исключает некоторой научности.

М. Фуко считает, что совокупность элементов, сформированных дискурсивной практикой и необходимых для образования науки, хотя их предназначение и не сводится к ее созданию, можно назвать *знанием*. Знание – это поле координации и субординации высказываний, это дискурсивная практика, которая формирует знание. Археология следует схеме: дискурсивная практика – знание – наука. Опыт формирования массового сознания на основе дискурсивной практики позволяет выявить эффективность тех или иных дискурсивных объектов, а это и есть то знание, которое может претендовать на специфическую научную достоверность. И здесь знание может проявлять себя не только в доказательствах, но и в институциональных распоряжениях, политических решениях [Фуко, 1996, с. 181].

Иными словами, дискурсивная практика оправдывает себя в эффекте влияния на сознание и массовое поведение.

Механизмы и правила, обеспечивающие постоянство успеха воздействия, можно считать содержащими элементы научного знания, хотя в целом дискурсивная практика не совпадает с научным развитием. Наука находит свое место в дискурсивной закономерности, но от дискурсивной практики зависят ее роль и функционирование. Иными словами, объективность научного знания не может иметь приоритета в дискурсивной практике, создающей соответствующие ее фундаментальным целям дискурсивные объекты. В этой практике идеологические цели могут восприниматься как «научные» или как замещающие объективность научного знания. Тем самым дискурсивная конструкция обретает ореол научного знания, хотя таковым она не является. Вместе с тем идеологические цели сохраняют свой субъективный смысл, но, сливаясь с дискурсивными объектами, они воспринимаются как объективированная реальность, обретающая научную значимость. Таким образом, наука как дискурсивная практика среди других практик утрачивает свой безусловный приоритет, а ее идеологическое функционирование отражает ее включенность в структуру социальных и государственных интересов.

Доктрины гетеротопии и археологии знания, обосновавшие необходимость признания реальности многообразия «других мест» и отказа от линейной модели и модели потока сознания, «преодолевшие» общие законы цивилизационного развития и утвердившие «квазинаучность» дискурсив-

ной объективности, в действительности оказались составной частью того идейного «взрывчатого вещества», которое вновь осуществило «разрушение разума».

Глобальная реальность, рожденная образами гетеротопии, возвращается к исключительному субъекту, проходя через «зеркало», т.е. через призму практических следствий формирования «нового порядка», т.е. через призму объективной истины, основанной на реалиях «почвы». Она возвращается в форме действительного знания к субъекту, раскрывая его истинную сущность, с которой он никогда и ни при каких обстоятельствах не может согласиться.

Конечно, было бы некорректно обвинять М. Фуко в возникновении катастрофических тенденций глобального развития в XXI в. Он осуществил феноменальную по своим масштабам теоретическую работу. Его идеи достойны самого серьезного исследования. Но вместе с тем очевидно, что они дали толчок к фундаментальным практическим разработкам по созданию глобальных механизмов формирования массового сознания, которое при своей практической реализации приближает современный мир к глобальной катастрофе. Политическая бомба, которую заложили гегемонистские силы под существующую цивилизационную систему, может «сработать» в том случае, если массы будут «ведомы» информационными разработками, которые заготовлены и готовятся за кулисами современной общественной жизни. Эти разработки не сработают, если гуманитарное знание раскры-

ет их реальный смысл и те цели, которые являются продуктом безумных амбиций, влекущих цивилизацию в термоядерную пропасть.

Мишеля Фуко можно считать автором концепции идеологии нового типа. Анализируя слова и вещи, их взаимосвязь, создающую посредством «всеобщей грамматики» словесный порядок, рождающий собственный объект, который является не мышлением, а дискурсией, понимаемой как последовательность словесных знаков, создающую иную объективность, воспринимаемую как овеществленная идеология.

Эта концепция была воспринята информационной системой США. В сознание исключительной овеществленной идеологии оказались включенными не только ведущие средства массовой информации США, но и такой бастион массовой культуры, как Голливуд. Когда президент США Дональд Трамп заявил о лживости ведущих газет и телевизионных каналов США, это заявление стало началом крушения грандиозного идеологического сооружения. Удастся ли его «отремонтировать» или оно рухнет, покажет ближайшее будущее.

## **Список литературы**

1. *Скворцов Л.В.* Цивилизационные размышления. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 384 с.

2. *Фуко М.* Археология знания / Пер. с фр.; общ. ред. Бр. Левченко. – Киев: Ника-центр, 1996. – 208 с. – (Сер. опера апарта; Вип. 1).

## References

1. *Skvortsov L. V.* Civilizacionnye razmyshlenija. – M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016. – 384 s.

2. *Foucault M.* Arheologija znaniya / Per. s fr.; obshh. red. Br. Levchenko. – Kiev: Nika-centr, 1996. – 208 s. – (Ser. opera aparta; Vyp. 1).

# **К вопросу определения понятия «эсхатология» в христианском религиозно-философском дискурсе<sup>3</sup>**

*Р.С. Гранин*

УДК 236.95

**Институт научной информации  
по общественным наукам РАН**

**Москва, Россия, grrom@mail.ru**

В статье прослеживается происхождение слова «эсхатология», возникшего как богословский термин в первой трети XIX в. в среде немецкого либерального протестантизма. Показано, что пролиферация значения данного термина происходит в рамках школ библейской герменевтики начала XX в. Так, в зависимости от интерпретации новозаветных греческих слов *ἐπιφάνια*, *παρουσία*, *ἀποκάλυψις*, означающих как первое, так и второе пришествие Христа, формулирова-

---

<sup>3</sup> Исследование выполнено при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 17-33-00025 «Гетеротопия: Цивилизационный контекст».

лись три парадигматических сценария: осуществленной, отложенной и вступившей в свое осуществление эсхатологии.

*Ключевые слова:* эсхатология; библейская герменевтика; парусия; апокалиптика; теофания; апокатастасис.

Поступила: 15.04.2017

Принята к печати: 16.05.2017

**R.S. Granin**

**To the Question of Definition of the  
Concept «Eschatology» in the Christian  
Religious and Philosophical Discourse**

**Institute of scientific information for social  
sciences of Russian academy of sciences**

**Moscow, Russia, [grrom@mail.ru](mailto:grrom@mail.ru)**

The article focuses on the origin of the theological term «eschatology» arisen in the first third of XIX century in the environment of German liberal Protestantism. It is shown that proliferation of meaning of the term goes within schools of

the Biblical hermeneutics of the beginning of XX century. It is established that depending on interpretation of three Greek words ἐπιφάνια, παρουσία, ἀποκάλυψις, which could mean both the First, and the Second Coming of the Christ, three paradigmatic scenarios were formulated: carried out, postponed eschatology and eschatology which began to be implemented.

*Keywords:* eschatology; biblical hermeneutics; parousia; apocalyptic; theophany; apocatastasis.

Received: 15.04.2017

Accepted: 16.05.2017

Слово «эсхатология» появилось в богословском словаре сравнительно недавно, в начале XIX столетия [Стивенсон, 2001], хотя содержательная сторона этого понятия уходит в глубь веков. Технический термин «эсхатология», подобно многим другим понятиям, имеет как широкое, так и узкое значения. Для прояснения специального богословского значения термина проследим примеры его лексического употребления. Так, согласно «Словарю Вебстера», слово «эсхатология» впервые встречается (не в богословском значении) в народной английской литературе не позднее 50-х годов XVI в.<sup>4</sup> В значении богословского термина слово «эсхатология» впервые фиксируется в труде лютеранского теолога Абрахама Калова «Systema locorum theologicorum» (1665–1677), двенадцатый заключительный том которого озаглав-

---

<sup>4</sup> Webster's Online Dictionary. – Mode of access: <http://alpha.totodefinition.com/search.php?word=eschatology> (Дата обращения: 24.07.2017.)



лен «εσχάτολογία sacra» [Глазков, 2014, с. 54]. Эсхатология как теологический термин разрабатывается в среде немецкого либерального протестантизма в первой трети XIX в. как неологизм, призванный заменить собой традиционное богословское понятие «последние события». В книге 1822 г. «Христианская вера» (Der Christliche Glaube...) Фридрих Шлейермахер пишет: «Довольно широко принятое словосочетание “последние события” имеет странный вид, который лучше скрыть за словом “эсхатология”, ибо слово “события” угрожает нам тем, что оно может увести нас далеко в сторону от сферы внутренней жизни, которая исключительно и интересуется нас» [Schleiermacher, 1928, . S. 703]. Одним из первых энциклопедических определений термина «эсхатология» является краткая статья «Оксфордского словаря английского языка» 1897 г., сообщающая о нем: «Часть теологии, касающаяся смерти, суда, и окончательных судеб [отдельной] души и [всего] человечества»<sup>5</sup>. Данное слово – εσχάτολογία – образовано от греческих корней: ἔσχατος, η, ο [v] – самый удаленный, отдаленный; последний, крайний, предельный; и корня λόγος – слово, знание, учение<sup>6</sup>. В написанном на греческом койне «Новом Завете» слово εσχάτος (εσχάτον) встречается в нескольких позициях. Как прила-

---

<sup>5</sup> Eschatology // The Oxford English Dictionary / Ed. James A.H. Murray and others. – Oxford: Clarendon Press, 1897. – Vol. 3. – P. 614.

<sup>6</sup> Εσχάτος // Новогреческо-русский словарь / Сост. Хориков И.П., Малев М.Г. – М.: Русский язык, 1980. – С. 353.

гательное *εσχατος*, η, ον используется в смысле «последний», «крайний», а также как «худший», «ничтожнейший», «низший». Как существительное среднего рода то *εσχατον* – «конец», «край» (*ἕως ἐσχατόν τῆς γῆς* – до края земли, т.е. по всему миру (Деян. 1:8; 13:47)). Как наречие *ἐσχατον* *πάντων* – «напоследок», «наконец» (Мк. 12:22; 1 Кор. 15:8), а также как наречие *ἐσχατως* – «окончательно»; *ἐσχατός* *ἔχω* – «быть при смерти» (Мк. 5:23)<sup>7</sup>.

В 1904 г. в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» выходит статья князя С.Н. Трубецкого, посвященная определению данного понятия: «Эсхатология – учение о последних вещах, о конечной судьбе мира и человека – искони занимала религиозную мысль. Представления о загробном существовании – томлениях в подземном царстве мертвых, мучениях, странствованиях в призрачном мире или упокоении и блаженстве в стране богов и героев – распространены повсеместно и имеют, по-видимому, глубокие психологические корни...» [Трубецкой, 1904, с. 127]. Отмеченная Трубецким универсальность и глубина данных представлений естественным образом потребовала для своего выражения термина более абстрактного, чем буквально-образное «последние события». Вокабула Шлейермахера, родившаяся из его интуиции опасности отчуждения духовной жизни во внешние сферы, возымела всеобщую популярность, вытес-

---

<sup>7</sup> *Εσχατος* // Греческо-русский словарь Нового Завета / Пер. с англ. Ньюман Б.М. – М.: Российское Библейское общество, 1997. – С. 93.

нив прежнее словосочетание. При этом понятие «эсхатология» приобрело более широкое содержание, чем просто четыре последних события.

В конце XIX – начале XX в. в школах библейской герменевтики (в первую очередь протестантских) происходит пролиферация смыслов понятия «эсхатология»<sup>8</sup>. Так, английский теолог Джордж Кеерд выделяет следующие эсхатологические концепции, сложившиеся в рамках экзегетических школ с начала XX в.: «индивидуальная эсхатология», «историческая эсхатология», «последовательная эсхатология», «реализованная эсхатология», «экзистенциальная эсхатология», «эсхатология новизны», «эсхатология намерения» [Caird, 1980, p. 243–255]. Их отличие обусловлено различностью научных подходов к исторической реконструкции представлений первых христиан о явлении Христа в конце мира. В Новом Завете пришествие Христа в судный день представлено тремя греческими словами – ἐπιφάνια, παρουσία, ἀποκάλυψις, интерпретация каждого из которых приводит к определенной парадигме в конструировании смысла и содержания понятия «эсхатология».

---

<sup>8</sup> Напомним, что экзегетика (греч. ἐξηγητικός – объясняющий) – это сумма принципов толкования книг Библии, фактически тождественна библейской герменевтике (греч. ἐρμηνεύω – объясняю), но отличается от экзегезы (греч. ἐξήγησις – толкование, объяснение). Последняя обозначает сам процесс комментирования Библии, в то время как экзегетика или библейская герменевтика является введением в экзегезу, установлением ее правил и методов (Мень А.В. Библиологический словарь: В 3 т. – М.: Фонд имени Александра Меня, 2002. – Т. 1. – С. 249).

Для обозначения второго пришествия в Новом Завете используется слово ἀποκάλυψις, εως (1 Петр. 1:7, 13; 1 Кор. 1:7), но оно также применяется и для первого пришествия при вочеловечивании Христа (Рим. 16:25). Данный термин происходит от древнегреческого ἀποκαλύπτειν – открывать, раскрывать, показывать (от предлога ἀπό (ἀπ', ἀφ'), означающего местонахождение «из», «от», «с», и корня καλύπτειν – «крыть»)<sup>9</sup>. В Новом Завете используется как существительное – явление, видение, откровение; и как глагол ἀποκαλύπτω (ἀπεκαλύφθην) – открывать, раскрывать, делать явным, обнаруживать, являть<sup>10</sup>.

Термин ἐπιφάνια – явление, в смысле богоявления (θεοφανεία), указывает на возвращение Христа во славе (1 Тим. 6:14; 2 Тим. 4:1, 8; 2 Фес. 2:8), но однажды используется и для первого пришествия (2 Тим. 1:10).

Слово παρούσια (присутствие, пребывание, пришествие) является ключевым для понимания развития различных эсхатологических концепций. Данный термин образован от греческих корней παρὰ – около и οὐσία – существование, он означает очевидное и продолжительное пребывание. В Древней Греции использовалось для обозначения официального визита правителя в общину своих подданных – накладной для них почести. Протестантский теолог Адольф Дайсман в книге «Свет с Востока» (1908) приводит множество при-

---

<sup>9</sup> ἀποκάλυψις // Греческо-русский словарь Нового Завета. – С. 32.

<sup>10</sup> ἀποκάλυψις // Греческо-русский словарь Нового Завета. – С. 33.

меров технического использования данного термина в римскую эпоху, где его латинским эквивалентом являлся термин *adventus*. От «парусии» императора могла отсчитываться новая эра, в честь такого события чеканились специальные монеты. Так, например, во время «парусии» императора Нерона, во времена правления которого были написаны послания к Коринфянам, в городах Патра и Коринф были выпущены так называемые «монеты пришествия», на которых была сделана надпись «*Adventus Aug (usti) Cor (inthi)*»<sup>11</sup>. В христианстве термин *παρουσία* (*adventus*) применяется почти исключительно в отношении второго пришествия Христа во славе, практически став синонимом этого события. Однако в Новом Завете это слово встречается и в отношении первого пришествия (2 Петр. 1:16). Изначально термин обозначал как незримое присутствие Господа в мире с момента его явления, так и его пришествие в мир в конце истории. Со временем мистическая составляющая понятия была вытеснена на второй план и парусия стала рассматриваться почти исключительно эсхатологически. Следует заметить, что в апостольские времена для подчеркивания единства состоявшегося и грядущего явления вочеловечившегося Бога употреблялся также глагол *φαίνω* («я являю»). Тот, Кто был явлен во плоти (1 Тим. 3:16), явится затем во славе (Кол. 3:4; 1 Петр. 5:4; 1 Иоан. 2:28; 3:2) [Стивенсон, 2001]. Этот корень вхо-

---

<sup>11</sup> Статья «парусия» в электронном словаре «Wikipedia». – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/парусия> (Дата обращения: 12.03.2017.)

дит составной частью в слово *θεοφάνεια* (теофания), означающее непосредственное явление божества во многих религиях.

В самом общем виде относительно явления Христа (*ἐπιφάνια*, *παρουσία*, *ἀποκάλυψις*) возможны три интерпретации: свершившаяся, вступившая в осуществление и отложенная эсхатология, исходя из которых конструируются содержания понятия «эсхатология». Одним из первых таких определений было дано Альбертом Швейцером: «Термин эсхатология следует применять только тогда, когда делается указание на ожидаемый в ближайшем будущем конец этого мира» [Schweitzer, 1951, p. 228]. Так появилась «последовательная» или «радикальная» эсхатология. Ее развивал швейцарский ученый Мартин Вернер, отстаивавший положение, что ранняя Церковь ожидала грядущего конца через парусию Христа в пределах периода жизни первого поколения христиан. Задержка парусии породила среди них замешательство, откуда появилась идея «отложенной» или «футуристической» эсхатологии [Стивенсон, 2001]. Недостаток этой концепции для богословия заключался в том, что, согласно ей, Христос и апостолы в своих проповедях заблуждались относительно скорейшего наступления конца мира.

Для устранения данного недостатка Рудольф Бультман, выдвинувший концепцию демифологизации христианства, предложил заменить «последовательную» эсхатологию (которая должна была осуществиться последовательно после

Воскресения) на эсхатологию «экзистенциальную». В эссе «Новый Завет и мифология» (1941) Бультман пишет: «Мифическая эсхатология неприемлема по той простой причине, что парусия так и не осуществилась, как ожидалось в Новом Завете. История не подошла к своему завершению» [Бультман, 1994, с. 302–339]. Бультман перенес идею вневременного ядра керигмы<sup>12</sup> в экзистенциальные категории Хайдеггера. Предпосылкой для этого послужило применение Эрнстом Трёльчем слова «эсхатология» к опыту последних событий в смысле «восприятия Абсолюта» здесь и сейчас [Стивенсон, 2001].

Другой попыткой избежать односторонности последовательной эсхатологии явилась концепция «реализованной» эсхатологии английского ученого С.Г. Додда. Согласно ей, служение Христа рассматривается как осуществление «эсхатона» (последних времен): перехода грядущего в настоящее посредством беспрецедентного воздействия на этот мир сил грядущего. Согласно данной позиции, главным мотивом новозаветной веры было не предвкушение, а прославление жизни, смерти и воскресения Иисуса как совершенного деяния Бога. Основанием для этого послужило провозглашение Христом того, «что пророчества Ветхого Завета исполнились (Лук. 10:23–24), что исполнилось время (Марк. 1:15),

---

<sup>12</sup> Керигма (греч. κήρυγμα – провозглашение, проповедь) является новозаветным термином, близким по смыслу к понятию Евангелие в смысле Благая Весть (например: Рим 14:24; 1 Кор 1:21). Керигма. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1519635> (Дата обращения: 24.07.2017.)

что Царство Божие уже приблизилось (Лук. 11:20) и открыто для всех готовых войти в него (Матф. 21:31)» [Dodd, 1961, р. 37].

Объединением двух противоположных позиций стала концепция «эсхатологии, находящейся в процессе осуществления» (нем. *sich realisierende Eschatologie*), немецкого ученого Иоахима Иеремиаса. В данной интерпретации новозаветные представления о Царстве Божиим трактуются как единство осуществленной эсхатологии и эсхатологии, которой еще предстоит реализоваться [Jeremias, 1972]. Она позволяет рассматривать последние события (смерть, воскресение и суд) в контексте божественной благодати, действующей на протяжении всей истории спасения, а не как внешнее вмешательство в конце истории. Одним из экзегетических подтверждений данной концепции (англ. *inaugurated eschatology*) является исследование профессора богословия Пола Майнира. Он показал, что на протяжении всего Откровения Иоанна Богослова последовательно применена концептуальная схема разделения старого и нового мира на пары: старые «небо – земля» и новые «небо – земля». Тогда как сторонники «футуристической» и «осуществившейся» эсхатологии склонны разрывать пару «небо – земля». Для первых искупленная небесная реальность находится впереди, а для вторых – наверху. Но в Апокалипсисе Иоанна Тайнозритель видит новую небесную реальность и новую земную реальность. Эти реальности находятся не наверху



или впереди, но пребывают с нами, что отражает видение «Эммануила», переводящееся как «с нами Бог» [Minear, 1962, p. 23–27]. При этом Майнир использует выражение «divine-human» (эквивалент слова «богочеловеческий» русской религиозной философии), прилагательное, обозначающее «Эммануил» – таинство «Бога-с-нами». Таким образом, пространственно-временная структура видений Апокалипсиса не является ни небесной, ни земной, но небесно-земной, т.е. богочеловеческой.

Философская оценка концепции «эсхатологии, вступившей в свое осуществление», дана С.С. Аверинцевым в статье «Эсхатология», где он пишет, что образ эсхатона подвергся с самого начала удвоению. Христос в первый раз пришел в образе раба для спасения людей (Матф. 18:11), второе Его пришествие будет «со славою» для окончательного суда над живыми и мертвыми (Никейско-Константинопольский символ веры). В первом пришествии история оказалась преодоленной незримо, только для веры верующих. Эмпирически она продолжалась, хотя уже под знаком конца. Выявить же сокровенную реальность первого пришествия предстоит второму. Сроки его наступления будут неожиданными, захватывающими людей в рутине их каждодневного поведения: «В силу этого императив эсхатологии заметно интериоризируется, как бы переносится в духовный мир человека и его религиозно-мотивированные отношения с другими людьми («Царство Божие внутри вас» – Лук. 17:21)» [Аверинцев,

2000–2001, с. 469].

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.